

ПРОЛОГ

ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТИЕ И СМЕРТЬ

Меня казнили ясным солнечным днем.

— Ларриет Изабель де Белуа, старшая дочь графа де Белуа, была расточительна и небрежна, вместо того чтобы явить образец аристократической добродетели. Она обвиняется в халатном отношении к управлению землями Белуа и незаконном присвоении налогов. Ей также вменяются в вину сокрытие измены своего отца, графа де Белуа, и преступный сговор с оным. И еще много других преступлений, о которых я не смею упоминать. По совокупности всего выше-сказанного Ларриет де Белуа приговаривается к смертной казни.

Хлоп!

Удар судейского молотка.

Холодный голос судьи будто гипнотизировал меня. Среди обвинений, которые звучали из уст этого человека, не было ни одного справедливого, но самым нечестным оказалось то, которое он произнес первым. Это меня-то он обвиняет в расточительности?! Неужели этот подлец настолько туп, что забыл значение этого слова? Лучше бы вспомнил до нелепости пышные платья, в которых щеголяет его собственная дочь!

Да, в нашей стране вечно не хватало судей в верховном суде, а те, что имелись, вершили правосудие едва ли не вслепую. Но назвать меня расточительной?! Гнев душил с такой силой, что, казалось, еще немного — и я вцепилась бы судье в горло. Потому ли, что он видел, как тряслись мои скованные руки, которые я не могла распрямить

как следует, или же потому, что я выглядела так, словно меня ударили в спину, — судья избегал моего взгляда, уставившись куда-то перед собой. На его висках блестели бисеринки пота. Неудивительно! Он не мог не понимать, кто я такая. Всякий в высшем свете знал, что де Белуа живут скромно.

«Экономия, экономия и еще раз экономия! — любил повторять наш отец. — Не смейте попусту растрачивать налоги, за которые люди Белуа заплатили потом и кровью!»

Я росла, постоянно выслушивая эти суровые наставления, так что они и по сию пору звучали у меня в ушах. Именно поэтому меня никогда не интересовали ни платья, украшенные драгоценными камнями, ни шелковые ткани, которые привозили к нам с Востока. О, как невыносимо унижительно было на балах слышать насмешливые шепотки за спиной: мол, до чего же неизысканно одета эта юная леди! И тем не менее я всегда ставила интересы наших людей выше всего. И вот теперь меня — меня! — обвиняли в расточительности! Первое же обвинение из моего длинного, невероятно длинного смертельного приговора оказалось настолько нелепым, что остальное можно было и не зачитывать: во всем сказанном не содержалось ни крупинцы правды. Сгорая от гнева, я уже не вслушивалась в слова судьи.

— Ларриет Изабель де Белуа, вам предоставляется последнее слово!

Быть может, увидев пылающий гнев в глубине моего взгляда, судья испугался, что мой мстящий дух придет к нему после казни, и решил на беспрецедентный шаг — предоставил мне возможность оправдаться. Как правило, предателей короны казнили, не давая им и слова сказать в свою защиту.

Последнее слово?.. Но у меня не было никаких слов. Да и о каких оправданиях вообще могла идти речь? Если допустить, что я в самом деле совершила хотя бы одно из тех злодеяний, что мне вменяли, то в этом последнем слове не было никакого смысла: меня в любом случае следовало казнить.

Да и что с того, если бы я в свою защиту произнесла самую блестящую из речей? Зачем мне было жить в мире, в котором моих отца, маму, младшего брата и всю родню забрала гильотина? С тех пор как отцу предъявили обвинение в измене и вместе с ним пал весь наш

род, все, что я делала, — это лила слезы. Ничего не поменялось бы, даже если бы сейчас мне сохранили жизнь: изо дня в день я оставалась бы безутешна — жива снаружи, но мертва внутри. Когда я подумала об этом, последние сожаления о собственной скорой смерти развеялись как дым.

Вот почему, вместо того чтобы говорить в свою защиту, я обернулась в дальний конец зала, к императору, который с непроницаемым лицом наблюдал, как меня приговаривают к казни. Он не выглядел особенно радостным, несмотря на то что по его злой воле меня, ни в чем не повинную, должны были сейчас обезглавить. Однако поражало равнодушное выражение его лица — будто моя смерть была каким-то совершенно рядовым делом.

Когда наши взгляды встретились, губы императора чуть дрогнули. От меня не укрылась эта маленькая перемена, и я широко улыбнулась. Посмотрев ему в глаза — зеленые, глубокие, слишком красивые для такого чудовища, которым он был, — я выплюнула ему прямо в лицо, тщательно проговаривая каждую букву:

— Будь. Ты. Проклят!

Если бы я только знала, что это не последняя наша встреча.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

